

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ «ИЛЬХОМ»

С 28 сентября по 5 октября 1990 года в Москве
показывает свои спектакли театр «Ильхом»

ЛЮБИТЕЛЯМ театра хорошо известен этот коллектив из Ташкента. Памятны стаившие по-своему сенсацией выступления «Ильхома» в Москве десять лет назад. Они прошли в обстановке всеобщего запрета на приезд независимого от государственных органов культуры театра-студии. И это в 1982 году!

Сейчас трудно представить, как удалось создателю «Ильхома» Марку Вайлю в свое время в принципе открыть этот театр под крышей театрального общества и сохранить его в самые «застойные» времена. Несмотря на сопротивление партийного идеологического аппарата Узбекистана и исполнителей его воли — республиканского Министерства культуры, поддержанного, впрочем, и московскими чиновниками из демичевского Министерства культуры СССР.

Достаточно вспомнить, как за два дня до показа спектаклей в Театре им. Моссовета, любезно предоставившем «Ильхому» свою Малую сцену, полетели указания, запрещающие играть «Дракона» Шварца, поставленного Марком Вайлем и по сей день незнакомо архивному варианту пьесы, и «Сцены у фонтана» С. Злотникова, не имевшие, к ужасу министерских работников, цензурного листа.

«Дракон» в урезанном виде в концертном исполнении был сыгран в ЦДРИ, «Сцены у фонтана» в качестве общественного просмотра увидели только театральные круги. Зрителю удалось познакомиться со спектаклями «Магомед, Мамед, Мамиш» по роману Ч. Гусейнова и «Мещанской свадьбой» Б. Брехта. Невероятно смешная и одновременно жестокая брехтовская «Свадьба» до сегодняшнего дня играет «Ильхомом» дома и за рубежом; в прошлом году спектакль был показан по Центральному телевидению. «Магомед» же, предсказавший, как положено

пророку, за много лет вперед все, что вскрыется в Узбекистане о рашидовской эпохе (зрители следили за болезненным раздвоением людей, думающих одно, поступающих по-другому), «Магомед» стал невольным приговором «Ильхому», который осмелился переступить границу идеологических стереотипов.

Временное отсутствие Марка Вайля в Ташкенте (он ставил в Театре им. Моссовета) в какой-то мере предотвратило прямые санкции по отношению к нему и его театру в Узбекистане. Хотя именно в это время чиновники от культуры потребовали снять с его афиш добрую половину (!) названий. Об этом, впрочем, театральная общественность Москвы не могла знать, как не знала и о многих других расправах, происходивших за пределами столицы. Не знала, и потому довольствовалась двумя московскими постановками Марка Вайля — «Премьерой» Л. Росебы и притчей «Человек как человек» Б. Брехта.

Почему так сложно складывалась судьба «Ильхома»? Не потому ли, что этот молодой театр не был «политиком» и в свое время не позволил себе никакой конъюнктуры, ни одной нехудожественной темы? Аппаратчики органов культуры в Узбекистане живо окрестили театр «диссидентским», проповедующим «чернуху», о чем они непременно оповестили и Министерство культуры СССР и соответствующие компетентные органы. Так выросла стена вокруг одного из немногих живых театров, родившихся в нашей стране в 70-е годы.

Последняя по времени встреча москвичей с «Ильхомом» была эпизодической. В декабре 1988 года на Всесоюзном театральном фестивале он сыграл на Таганке «Кломадеус». В рейтинге, проведенном на смотре, спектакль был назван в числе

лучших. Критик Н. Агишева писала, что это было, пожалуй, «единственное открытие фестиваля».

Меж тем этой осенью он начал уже свой 15-й сезон. Это по-прежнему «контрактный театр». И это не нововведение. «Ильхом» таким родился.

В «Ильхоме» продолжают работать многие, кто его начинал. Конечно же, «Ильхом» стал другим — как говорят, «выездным».

Его актеры играли вместе с американцами, спектакли видели зрители Югославии и Западной Германии, Болгарии и Норвегии. Нынешняя встреча москвичей с «Ильхомом» проходит после возвращения театра из Осло и Копенгагена. «Кломадеус» будет в Москве сыгран 28, 29 и 30 сентября на Малой сцене Театра им. Моссовета. Со 2 по 5 октября театр Дружбы народов представит на сцене МХАТа им. Чехова одну из последних работ «Ильхома» по пьесе Анатолия Кима «Прошло 200 лет» в постановке Марка Вайля. «Ильхом» не возвращается больше к большим темам, которые сегодня препарируются во всех видах искусства и публицистики. В «Кломадеусе» его герои вообще замолчали: «Что говорить, когда нечего говорить?». Они устремились в игры и в поиски некоего выхода. А эти игры обернулись то ли анекдотом, то ли абсурдом, но при этом обнаружили внутреннее «я» персонажей, которых можно любить и не любить, но невозможно им не сочувствовать, не посмеяться и не погоревать вместе с ними.

В «Прошло 200 лет» мы также откроем для себя видение, которое проявляется в нас разве что во сне, когда смешиваются красота и уродство, когда себя, друзей и близких видишь словно со стороны, но при этом осязаемо, болезненно близко и конкретно.

Марка Вайля и «Ильхом» сегодня волнуют другие краски и другие темы. Ни один из последних спектаклей театра не похож на предыдущий. Слово идет постоянное саморазрушение и создание чего-то нового.

Впрочем, об этом «Ильхоме» 90-х годов уже судить зрителям и профессионалам, которые на этих днях встретятся с театром.

Константин ГУСАКОВ,
зав. лит. частью театра.